

УДК 1(476)(091)

С.Г. Смоляк

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и политологии
Витебской государственной ордена «Знак Почета» академии ветеринарной медицины
e-mail: SSmoljak@tut.by*

ИСТОКИ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА И СОВРЕМЕННОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Исследуются источники становления философской мысли на землях современной Беларуси. Раскрывается вклад К. Туровского в процесс формирования философского дискурса на просторах Древней Руси, его роль в разработке проблемы веры и разума, нашедшей всестороннее преломление спустя десятилетия в творчестве Ф. Аквинского, других западноевропейских мыслителей той эпохи. Подчеркивается актуальность сформулированной К. Туровским проблемы сохранения целостности державы, веры и чести в единстве с постоянной работой личности по приобретению знаний.

Введение

Когда говорят о памятниках культуры, то чаще всего имеют в виду произведения архитектуры, монументалистики, артефакты быта, т.е., материальную культуру, воплощающую определенную историческую эпоху. Однако эту эпоху, как и историю в целом, можно видеть не только в памятниках застывшей, овеществленной мысли, но и в «чистой» абстракции, осваивая которую мы постигаем процесс осознания человеком себя, своей культуры, а вместе с ней и истории своего народа, своей страны. В этом контексте огромный интерес представляет философское творчество наших предков, которое «материализовано» как в больших жанрах философствования, включающих собственно философские произведения, так и в малых жанрах: летописных, эпистолярных, агиографических источниках, – в которых достаточно много сентенций, содержащих квинтэссенцию духа народа.

В этом аспекте цель статьи состоит в обращении к первым формам философствования и первым мыслителям-философам земли белорусской, исследовании и популяризации их творчества. Причем второе в условиях современного глобализирующегося мира имеет особое значение, так как пропагандой духовных ценностей мы можем заявить о своей оригинальной культуре, сформировать мнение об истории нашего народа как по истине народа талантливого. Тем более что некоторые философские идеи наших предков сегодня актуальны так же, как и сотни лет назад.

Исследование основано на диалектической методологии с использованием таких методов исследования, как синергетический, исторический, логический и системный анализ и синтез, индукция и дедукция и метод сравнения. Выводы статьи, ее идеи дадут не только новый импульс к изучению белорусской метафизики, но и станут методологической основой для построения теории развития белорусской культуры от древности до современности.

Истоки философской мысли на землях Беларуси восходят к X в., а источниками ее являются мифология восточных славян, христианство, пришедшее к нам из Византии, и греко-римская философия. Мифологическое мировоззрение представлено письменными и археологическими источниками, преданиями, обрядами, традициями народа, его легендами. На основе этих источников можно проследить историю белорусского этноса, попытку наших далеких предков понять этот единый, но одновременно сотканный из множества отдельно взятых частей, такой устойчивый и в то же время текущий мир. То есть попытку понять и объяснить мир как общее и единичное, единое и це-

лое. В мифологии отражались и социальные явления и процессы. Например, обрядовые магические действия были направлены на то, чтобы оградить человека от бед, помочь ему в борьбе за лучшую жизнь. В обрядах наш предок видел не только настоящее, но и прошлое, и надежду на будущее. Так, обряд «калядавання» позволял земледельцу от тяжелой реальности перенестись хотя бы на время в идеализированную, полную счастья атмосферу, которую рисовали в своих песнях-притчах калядовщики. Тем самым они вносили элемент надежды на лучшую жизнь человека в будущем, а значит, заставляли задумываться над причинами своего тяжелого социально-экономического положения в настоящем.

Миф имеет исторический характер. Его развитие на определенном этапе приводит к дифференциации метариального и реального элементов структуры. Элементы реального в мифе явно проявляются в период относительно высокого уровня познания в первую очередь тех явлений, сущность которых в прошлом была непонятна и соотносилась с могущественными силами природы. На этом уровне своего развития человек не удовлетворяется ранее известными интерпретациями явлений и объектов, а стремится найти новые способы их объяснения. Следовательно, миф, создав условия для более сущностного понимания и объяснения объектов и явлений, процессов мира природы и мира человека, постепенно приходит в упадок. Его сменяют монорелигия в лице христианства и философия. Христианство, ставшее господствующей религией, существенно отличается от мифа. Если мифологическое мировоззрение и признает астральную зависимость человека, но не выделяет человека из лона природы, то христианское мировоззрение противопоставляет человека и природу, дух и материю, конструирует монистическую картину мира, возводя духовное в этой картине в абсолют. В религиозном мировоззрении все основывается на борьбе двух начал как в мире, так и в самом человеке – добра и зла, духа и тела, души и плоти. Мир видится в развитии от сотворения до второго пришествия Христа.

Появление монорелигии в форме христианства на землях Киевской Руси, в том числе и на землях Полоцкого княжества, отмечено рядом особенностей.

Во-первых, в целом установление истин Христовых происходило с помощью силы [7, с. 118].

Во-вторых, резкая, взрывного типа силовая смена мировоззрения породила противоречивые процессы в обществе и имела неоднозначные последствия в историческом развитии протобелорусского этноса и общества. С одной стороны, принятие христианства вело к ломке первичного менталитета наших предков, сопровождалось возмущением и сопротивлением широких слоев общества насаждению новой религии, изначально взявшей на себя и выполнение функции идеологической. С другой стороны, принятие христианства способствовало более быстрому приобщению наших предков к мировой культуре, ибо оно аккумулировало в себе все предыдущие достижения человечества в области духа (протонаучное знание Античности и культуру Византии: книги, обряды, мораль).

В-третьих, проникновение и становление христианства на землях Киевской Руси неразрывно с именами братьев Кирилла и Мефодия, создавших славянскую азбуку, проникшую ранее христианства на территорию Киевской Руси и на первых порах способствовавшая его укоренению. С закреплением же христианства в Киевской Руси завершается оформление письменности, которая, в свою очередь, способствовала распространению христианства среди восточных славян. Следовательно, можно утверждать, что в нас наблюдаем прочный праксиологический Завет слова и Веры: с одной стороны, с принятием христианства «явился въ Руси одинъ общій языкъ – книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности» [7, с. 32]. Одновременно этот книжный язык «сделался орудием и распро-

странения веры и удержания государственной жизни... во всех углах Руси, в какой бы то ни было ветви народной, в церквах раздался один язык; власть старалась передать свой голос одним и тем же языком... Явились школы, и в этих школах учили на том же языке, не обращая внимания на то – изъ кокого племени были учащиеся» [7, с. 33]. Само христианство стало мощнейшим фактором единения восточнославянских земель: церковь и духовенство цементировали это единство своими едиными правилами, нравственными законами, общим и равным для всего славянского мира ритуалом богослужения на старославянском языке.

В-четвертых, христианство привнесло в общественно-государственную жизнь восточных славян зерна правовой культуры просвещенного Запада. Именно с принятием христианства на землях Киевской Руси, включая земли Полоцкого княжества, появляется право как система законов, регулирующих отношения не только между вассалом и господином, между крепостным и феодалом, но и между удельными князьями, т.е. равными по статусу субъектами деятельности, а также отношения между провинцией и центром. А вместе с правом появляются и правовые понятия, и кодексы законов. Одним из первых таких кодексов был свод гражданских законов под названием «Кормчая книга». В целом принятие христианства способствовало более быстрому освоению нашими предками знаний и культуры Античности и Византии, что существенно расширяло их кругозор.

В контексте вышеизложенного необходимо отметить весьма существенную особенность, заключающуюся в том, что для древневосточного славянского этноса характерно практически одновременное формирование монорелигиозного и философского мировоззрений. Это объясняется тем, что вместе с христианством и соответствующей ему атрибутикой на его земли пришли и философские произведения античных и византийских историков, философов, мыслителей-богословов (Иоанн Дамаскин, Дионисий Ареопагит, Филипп Пустынник). И в тоже время в азбуковниках того времени содержатся философемы Платона, Аристотеля, Гераклита, Эпикура и других древнегреческих философов. В этой связи можно заключить, что мировоззрение наших предков в период проникновения христианства на земли Киевской Руси не было абсолютно религиозным, а было полифоничным и оставалось таким долгое время и после принятия христианства. То есть оно содержало и рационалистические идеи, не входящие в круг догматов христианства, и элементы язычества. Поэтому «в агиографической литературе доминирует христианское миропонимание, а в фольклоре – народное с элементами язычества» [1, с. 51]. Причина же появления философских произведений на землях Полоцкого княжества (землях современной Беларуси) одновременно с принятием и распространением христианства в Киевской Руси состоит в том, что распространителями философского знания были священнослужители, имевшие хорошие познания в области философии (знавшие труды Платона и Аристотеля, других античных мыслителей). То есть вместе с распространением переводной богословской литературы (в первую очередь Библии) в целях закрепления и распространения христианства на землях Киевской Руси появляются и переводы произведений философов античности. Труды отцов церкви: Иоанна Златоуста, Василия Кесарийского, Ефрема Сирина и других представителей патристики – были настольными книгами для многих поколений наших предков. В их трудах не только разъяснения и комментарии Библии, но и обращение к философским проблемам. Так, в переводе «Шестоднева» Иоанна, Экзарха Болгарского, даются пояснения о мироустройстве, об отношении души и тела человека, о единстве созданного Богом мира. Здесь же раскрывается содержание и таких категорий классической философии, как «бытие» и «небытие» [8, с. 187–195]. В «Изборнике» 1073 г. раскрывается содержание таких философских категорий, как «сущность», «противоречие», «ко-

личество», «качество», наряду с истолковыванием ряда богословских понятий: «Троица», «Святой Дух», «Воплотившееся Слово» [5, с. 25–37].

Таким образом, древнерусское богословское летописание формировало новое – религиозное – мировоззрение и новую идеологию. Но одновременно оно способствовало и широкому распространению философского знания, становлению философского стиля мышления и подготовке почвы, на которой в скором времени выросли мыслители земли белорусской. В первую очередь к ним следует отнести Кирилла Туровского (1130 (?) – (1182 (?)), «златавуста, што прзяяў больш за ўсіх на Русі» [5, с. 10].

Кирилл Туровский родился в Турове, столице тогдашнего Туровского княжества, входившего в состав княжества Полоцкого. Рано постригся в монахи, в монашестве занялся литературной деятельностью. До нас дошли восемь слов-«проповедей» («Слово на вербницу», «Слово на велик день» и др.), ряд дидактических повестей-притчей, два канона, около тридцати молитв-исповедей. Произведения эти, где четко просматривается спектр философских проблем, составили золотой фонд древнебелорусской (древнеславянской) литературы и на протяжении столетий пользовались популярностью. Еще в XIX в. их переписывали.

Следует напомнить, что Киевская Русь тысячу лет назад представляла собой раннефеодальное государство, нуждавшееся в новой идеологии. Ибо это было время коренных трансформаций во всех сферах: политической (попытка создания единого мощного в военном отношении централизованного государства), экономической (динамично развивающееся производство, торговля и на этой основе создание во всех удельных княжествах одинаковых условий для экономического развития), духовной (осознание себя субъектом творческой силы, основанной на единстве и общности ценностей, единой идентичности всех жителей, проживающих на территории Киевской Руси), социальной (совершенствование социальной структуры внутри племен и межплеменных союзов). Именно в таких условиях *сообществу восточных славян необходима была такая идеология, которая бы указала путь общего их развития, становясь при этом частью менталитета этноса, частью менталитета всех племен, проживавших тогда на территории Киевской Руси*. Роль такой идеологии и стало выполнять именно христианство и церковь как координатор идеологической работы. Обретя официальный статус идеологии, христианство, в свою очередь, требовало такого истолкования своей сущности и предзаданности, что было бы понятно простому люду и им принималось. Именно с этой целью и с целью широкого распространения христианства в народной среде не только делаются переводы Библии, но и создаются богословско-философские труды отцов церкви, так как труды Платона и Аристотеля служили теоретической основой религиозной догматики. Как раз в этом видел предназначение своего творчества и К. Туровский.

В своих высокоидейных произведениях, наполненных глубокой символикой, К. Туровский, как богослов-философ, пытающийся донести истинный смысл библейских текстов до широких масс, поднимает ряд фундаментальных мировоззренческих проблем онтологии, гносеологии, антропологии, решая их с позиции православия. В частности, поднимая проблемы сущности бытия, К. Туровский ответ дает в русле библейской трактовки: первично духовное, материя инертна, все тварное преходяще, все земное тленно. Проблему сущности человека он рассматривает в контексте соотношения души и тела, соотношения веры и разума в контексте сложившейся в христианстве доктрины. При этом существование человечества К. Туровский рассматривает в соответствии с библейской трактовкой исторического развития: идея круговорота заменяется идеей векторного развития (от сотворения мира до дней нынешних и грядущего судного дня). Всю историю он делит на две эры: дохристианскую (предыстория человечества) и христианскую (собственно история).

В «Притче о человеческой душе и о теле, и о нарушении Божьей Заповеди, и о Воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении» в аллегорической форме он исследует проблему определения сущности человека и решает ее с позиции дуализма. Он приходит к выводу, что сущность человека заключается в единстве его свободной, нетленной души и брэнного тела. Причем душа и тело сущностно неразрывны: не только душа нуждается в теле, но и тело может быть только в случае бытия души [6, с. 15–29]. То есть тело и душа находятся в постоянном единстве и противоборстве. В постоянном противостоянии находятся человек и общество. Главное – найти правильный путь в этом противоборении и противостоянии. И этот путь есть путь соблюдения нравственных заповедей Христовых.

В нравственных устоях К. Туровский видит высшую добродетель [6, с. 31], в сравнении с которой даже мудрость и разум суть что-то низшее. Так, в притче «Слово о Премудрости» он подчеркивает, что «кротость бо есть найти мудрости и разуму и помыслу благу и всем добрым делам» [6, с. 31]. И в то же время К. Туровский отмечает, что, хотя нравственные добродетели являют собой неперемное условие жизни по божественной правде на земле, ее высшим проявлением является разум человека, его интеллект, уровень которого определяется в значительной мере начитанностью. Мудрец тот, считает К. Туровский, кто истинно книжник и правильно истолковывает книжное знание, кто размышляет о смысле бытия.

В «Повести о белорусце – человеке и о мнишестве» («Повести о беспечном царе и его мудром советнике») он прямо указывает на то, что «царь же есть ум», который постоянно ищет опоры, и этой опорой должны стать и быть церковь и Вера человека во Христа – Вера, которая делает жизнь человека осмысленной, целеустремленной и радостной [2, с. 348–354]. К. Туровский призывает читать книги и из них черпать знания, через них постигать мудрость. В этом заключена возможность через познание тварного приблизиться к познанию Творца. Но, добавляет К. Туровский, каким бы мудрым ни становился человек, он не может уподобиться Христу. Ибо Христос владеет божественной, а не человеческой природой. И поскольку Бог не имеет качественности и меры, то, во-первых, он не может найти адекватного выражения в образе человека; во-вторых, человек не может познать то, что сущностно принадлежит только Богу. В этих мировоззренческих посылах, как нам представляется, К. Туровский обозначил проблему соотношения веры и разума намного раньше, чем в классической форме ее обозначил Ф. Аквинский.

Христианство принесло новые идеи и в социальную сферу, что также нашло отражение в творчестве К. Туровского. Например, основываясь на общей концепции христианства, он проповедует идею о том, что Бог стоит на стороне блаженных и сирых, страждущих и добывающих хлеб свой насущный трудом праведным. К. Туровский на примере десяти библейских заповедей, в концентрированном виде выразивших принцип должного бытия человека, ориентированного в миру на любовь к ближнему, на понимание равенства всех народов, социальных групп, сословий, он возводит принцип добродетели в абсолют жизнедеятельности человека, который в единстве с идеей вечного рая в потустороннем мире вселял в сердца людей веру и надежду на преодоление страданий и будущее воскрешение из мертвых, поднимал идею добра и любви до символа жизни: жить – это необходимость быть добродетельным!

К. Туровский обращается и к вопросам политическим, актуальным для Древней Руси и в определенной мере созвучным отношениям между восточнославянскими державами сегодня. Одним из первых он поднимает проблему централизации государства как способа укрепления его могущества. В связи с этим он выступает против междоусобиц, любых неправых, а тем более преступных методов для захвата власти – обмана, убийства и других подобных деяний [8, с. 325–337; 339–343]. Так, в «Притче

о слепце и хромце» в иносказательной форме он подвергает осуждению Андрея Боголюбского, выведенного в образе хромца, за его опустошительный набег на Киев в 1169 г. с одной лишь целью не дать Киеву соперничать с возвышающимся Владимиром, в котором он княжил. А по сути – подорвать политическое могущество Киева и сосредоточить политическую власть в своих руках, возведя Владимир в статус столицы восточных славян. В этом аспекте К. Туровский призывает к прекращению междоусобиц, ослабляющих каждое из княжеств и Киевскую Русь в целом. А смысл и цель должностного предназначения любого из княжеских семей он видит в радении о могуществе державы, единстве и могуществе братских племен. В этом К. Туровский видит смысл и цель своего духовного предназначения. Поэтому он выступает против еретических высказываний, подрывающих не только саму веру, но и могущество государства. Эта идея обосновывается им в «Слове и похвале святым отцам Никейского собора» [2, с. 342–348], где выступает против Ария и его сторонников, пытавшихся доказать истинность тезиса не о «единосущии», а «подобосущии» Отца, Сына и святого Духа. Причину возникновения арианства К. Туровский видит в ложном понимании Арием Священного Писания, а также в доходчивом, доступном, понятном для простого человека изложении этой ложной идеи, принятой частью народа.

Заключение

1. Философская традиция на землях Беларуси имеет глубокие исторические корни. Зародившись в недрах мифологического воззрения на мир, она вскоре выкристаллизовывается в самостоятельное миропонимание, чему способствовало проникновение на земли Киевской Руси, включая Полоцкое княжество – белорусское протогосударство, – философских учений мыслителей Древней Греции, Древнего Рима и Византии. Распространению философских знаний способствовало и, как это ни парадоксально, христианство, проповедники и иерархи которого хорошо знали творчество древнегреческих философов (Платона, Аристотеля и др.). Учитывая, что христианство, как религия и идеология, ставило целью самоутвердиться на просторах Киевской Руси, то несомненно, что и философское знание выполняло функцию обеспечения истинности и «лепоты» этой религии.

2. Философия Древней Руси, в том числе и Полоцкого княжества, изначально формируется как политематическая, но в первую очередь как религиозно-этическая, в полной мере заявившая о себе и своем особом статусе намного позже – в XIX–XX столетиях – благодаря творчеству Вл. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского и других русских мыслителей.

3. У истоков философского знания на землях современной Беларуси стоит один из виднейших древнерусских мыслителей Кирилл Туровский, в творчестве которого красной нитью проходила проблема сущности человека. Свою задачу он видел в раскрытии отношений Бога и человека, человека и государства, человека и общества, человека и тварного мира. Его идеи нашли свое развитие в учениях Ф. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, К. Нарбута, М. Богдановича, Я. Купалы и других мыслителей земли белорусской. Но уже в другое время и в иных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов, М. Н. Русская философская мысль X–XVII вв. / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. – М. : МГУ, 1990. – 285 с.
2. Гуманистическое и христианско-духовное содержание наследия Кирилла Туровского : материалы межрегион. науч. конф., Гомель, 10–11 мая 2000 г. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2000. – 139 с.

3. Еворовский, В. Б. Философская мысль Киевской Руси XI—XIII вв.: тенденции становления / В. Б. Еворовский / Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права ; под ред. А. С. Майхровича. – Минск : Тэхналогія, 1996. – 126 с.
4. Еремін, І. П. Літаратурнае наслідуе Кірыла Туравскога / І. П. Еремін // Тр. отд. древнерус. лит. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М. : Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Т. 12. – С. 340–362.
5. Изборник Великого князя Святослава Ярославича 1073 г. (с греч. и лат. текстами) / с предисл. Е. В. Барсова, запискою А. Л. Дювернуа. – М. : Университет. тип. (В. Катков), 1883. – С. I–XXV; 1–32; 1–185.
6. Туровский, Кирилл. Избранные произведения : пособие для студентов, изучающих философию, историю Отечества, основы культурологии, этику / Кирилл Туровский ; Белорус. гос. ун-т транспорта, Гомел. науч. центр им. Кирилла Туровского. – Гомель : БелГУТ, 1997. – Вып. 1. – 55 с.
7. Костомаров, Н. И. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – 2-е изд. – СПб. : Д. Е. Кожанчиков, 1872. – Т. 1. – 455 с.
8. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 1. – 1994. – 527 с.
9. Памятники литературы Древней Руси. XII в. : сб. текстов / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. – 707 с.
10. Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет. – Петроград : Колос, 1922. – Ч. 1. – 348 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.08.2018

Smoljak S.G. The Origins of Philosophical Discourse of Belarusian Ethnos and Contemporaneity: Topical Points of Consciousness

The article explores the diverse sources of the formation of philosophical thought on the territory of modern Belarus. It reveals contribution of K. Turovsky to the process of forming philosophical discourse on the territory of Ancient Russia, and his role in the development of the problem of faith and mind, which found a comprehensive refraction after decades in the works of F. Aquinas, other Western European thinkers of that era; the urgency of the problems of our days is highlighted, that K. Turovsky considered: the preservation of the integrity of the state, faith and honor in unity with the permanent work of the individual to acquire knowledge.